
ПОГРАНИЧЬЕ

УДК 323.3-058.12:32.019.5

**«ИНОГДА МАРФА НАПАДАЛА НА СЕЛЕНИЯ И НА ПОМЕЩИЧЬИ
УСАДЬБЫ»: ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКОГО РАЗБОЯ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.
(на материалах Белгородской и Курской губерний)**

В.А. Шаповалов

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

V.A. Shapovalov

Belgorod National
Research University

Автор рассматривает разбойную деятельность Марфы Дуровой, крупной помещицы Путивльского уезда Севской провинции Белгородской губернии, в контексте специфики социальных отношений в русско-украинском порубежье в XVIII веке. Для ареста помещицы правительство было вынуждено даже специально направить в «порубежный край» воинские части. Безусловно, дворянский разбой не был уникальным явлением, которое характеризовало бы только Белгородскую и Курскую губернии, однако упоминаний о масштабах, жестокости, кровопролитности дворянских разбоев, сборов против них многотысячных ополчений и воинских частей в XVIII – первой половине XIX веков больше не встречается, кроме как в отношении данных регионов. Вероятно, здесь сыграли большую роль традиции вольницы русско-украинского порубежья, слабость и продажность коронных властей на бывших юго-западных окраинах российского государства.

Ключевые слова: русско-украинское порубежье, Марфа Дурова, помещица, разбой, Белгородская губерния, XVIII век.

**“SOMETIMES MARFA ATTACKED RURAL SETTLEMENTS AND
GENTRY ESTATES:” FROM A HISTORY OF THE NOBLE BANDITRY
IN THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES
(based on Belgorod and Kursk regional materials)**

The author considers the banditry of Marfa Durova, a prominent landowner in Putivl' uезд, Sevsk province, Belgorod province, in the context of peculiari-

ty of social relations in the Russian-Ukrainian borderlands in the eighteenth century. The government ultimately sent military units to the “porubezhny krai” to secure her arrest. While noble banditry was certainly not unique to Belgorod and Kursk provinces, no other regions recorded violent, bloody noble banditry and an accompanying governmental military response on a similarly large scale during the eighteenth and early nineteenth centuries. The author identifies the tradition of “volnitsa” in the Russian-Ukrainian borderlands, as well as the weakness and corruption of the Crown authorities on the former southwestern borderlines of the Russian state.

Keywords: Russian-Ukrainian borderlands, Marfa Durova, landowner, banditry, Belgorod province, eighteenth century.

e-mail: Shapovalov[at]bsu.edu.ru

Традиции вольницы русско-украинского порубежья накладывали определенный отпечаток на взаимоотношения помещиков, когда семейные доходы были связаны не с хозяйственной деятельностью, а с разбоями. Н.И. Костомаров в этой связи отмечает: «не редко и преследуемые властями, и законом в одном крае люди находили себе спасение и укрывались в другом. Поэтому на рубеже между Великороссийскими украинными землями и Малороссею происходили такие явления общественного настроения, какие невозможны или, по крайней мере, редки были в середине края. Прилегавшая к пределам гетманщины украинная полоса московского государства долго была ареною своевольств, которые дозволяли себе местные землевладельцы, пользуясь отдаленностью от центра правосудия и при случае возможностью скрыть за рубежом гетманщины следы своих бесчинств. В старых делах XVII и XVIII веков много можно встретить челобитных на своевольства порубежных помещиков; теперь еще существуют дворянские фамилии, упоминаемые в таких челобитных и в розыскных делах, возникших по челобитным. Такова, между другими, была фамилия Дуровых. Предание сохранило память о Марфе Дуровой, как знаменитой разбойнице»¹.

Марфа Дурова была крупной помещицей Путивльского уезда Севской провинции Белгородской губернии в период царствования Анны Иоановны. Оставшись вдовой, она не утруждала себя хозяйственными делами, а занялась разбоем. Подобный образ жизни был возможен только при слабой местной коронной администрации, наличии таких традиций, что позволяло помещице психологически не свя-

¹ Костомаров Н.И. Казачья Дуброва, иначе Казачья слобода или Казачья [Kostomarov N.I. Kazach'ia Dubrova, inache Kazach'ia sloboda ili Kazach'ia] // Русская старина [Russkaia starina]. 1882. Т.33. С. 6.

зывать себя моральным контролем².

«Верхом сидя на коне по-мужски, с перевязанным через плечо ружьем, с пистолетом в кармане и с саблей при боку, скакала она, предводительствуя своею шайкою, а за нею ехали другие мужики на возах, чтобы забирать добычу. Она не приказывала своим крестьянам сеять и убирать хлеб, и говорила – не для чего им работать, не зачем потеть и жариться на солнце: все можно получить даром, приготовленное чужими трудами. В июле и в августе прогуливается Марфа с своими рабами и приказывает забирать и везти на возах копны только что сжатого хлеба в свою волость, поднимать стога сена, стоящего на сенокосах; так же поступали и со скотом: встретят ли пасущуюся череду рогатого скота или стадо овец, либо свиней – сейчас боярыня приказывает гнать их к себе и потом делить между своими мужиками»³.

Систематические грабительские походы Марфы Дуровой не могли остаться незамеченными уездными коронными структурами, скорее всего, она откупалась от них. Нельзя полностью отрицать и версию о том, что подобные «походы» в русско-украинском порубежье того времени воспринимались как что-то само собою разумеющееся, имевшее давнюю пограничную традицию. В противном случае трудно объяснить безнаказанность Марфы, когда она нападала на целые селения и помещичьи усадьбы, обкладывала их данью, «потом заставляла ограбленных давать клятву и целовать образ, обещая не искать судом за грабежи. В противном случае она угрожала явиться снова и разорить в конец или пустить красного петуха»⁴. С другой стороны, эту версию подтверждает системный характер «помещичьих войн» в рамках одного уезда. «Кроме Марфы Дуровой, в Путивльском уезде в одно время с нею такими же удачными подвигами своевольтва славились другие дворянские фамилии, из которых в памяти народной остались Стремуховы и Воропановы. Эти разбойники благородного происхождения не всегда действовали согласно, но между ними происходило соперничество, доводившее их до междоусобий. Однажды такой разбойник с своей шайкой (кажется Воропанов) напал на двор Марфы Дуровой. Тут произошла страшная кровопролитная свалка. Марфа была побеждена. Её усадьба обращена была в пепел; из людей некоторые были побиты, другие разбежались, все село было сожжено и сама владелица с сыновьями, еще не достигшими в то время совершеннолетия, едва осталась цела, спрятавшись в болоте. Но враги ушли, Марфа собрала свою разогнанную челядь и, прежде чем приняться за отстройку разоренных жилищ, сделала наезд на своего соперника, сожгла дотла его усадьбу и его собственноручно убила, а её челядь перебила много мужиков, наез-

² Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений [Nartova-Bochaver S. Psikhologija lichnosti i mezhlichnostnykh otnoshenij]. М., 2001. С. 57.

³ Костомаров Н.И. Указ. соч. [Kostomarov N.I. Op. cit.]. С. 7.

⁴ Там же [ibid.].

жавших с своим господином на двор и село Марфы Дуровой»⁵.

Данный сюжет, скорее, подходил под описание реальных военных действий с участием противоборствующих воинских подразделений, чем на выяснение отношений двух помещиков. Убийство одного из них, гибель большого количества крестьян, сожжение сел, помещичьих усадеб и отсутствие наказания победителю со стороны губернской коронной администрации свидетельствует о реальной дистанцированности властей от «помещичьих единоборств». В Курской губернии на протяжении века народные предания сохраняли воспоминания о подвигах местных разбойников. Столь длительная историческая память могла функционировать, только базируясь на массовых, резонансных событиях, которые затрагивали большую часть населения региона. Например, в «Историческом и географическом путеводителе по Курской губернии от орловской границы до харьковской на 241 ½ верст», составленном чиновником В.Н. Левашевым по инициативе курского губернатора М.Н. Муравьева, поднесенном в 1837 г. цесаревичу Александру Николаевичу в ходе его знаменитого путешествия по стране, в разделе «11 станция. От Белгорода до Чермошной 29 верст» специально указывалось: «На 16 версте, за 12 курганами, расположенными от самой дороги на протяжении 6 верст, видны деревня Чаусовка, а влево место, называемое Сторожи, потому что, по преданиям, 80 лет тому назад здесь находились пикеты для защиты от разбоев Кудеяра, обитавшего с огромною шайкою в этих местах и имевшего многих сообщников, скрывавшихся в дремучих лесах, тогда бывших в Курской губернии. Около этого места крутые горы соединены в одну массу, изрытую глубокими оврагами, они многими вершинами возвышаются одна над другою на протяжении семи верст к востоку до Северного Донца, едва мелькающего и приметного меж ущелий гор, примыкающих к одному глубокому рву, а за рекою стелется долина, окруженная горами и лесом.

Окрестные поселяне рассказывают, что несмотря на пикеты, здесь производились в давние времена беспрестанные смертоубийства, и шайки разбойников день ото дня увеличивались, так что начальство вынужденно было созвать многие тысячи поселян из Курской и соседних губерний для истребления шайки сей; зов этот называли тогда в народе Кличь – кликать...

Неизвестно, куда скрылся Кудеяр, но исчезли шайки его, обитавшие около села Толоконного в 12 верстах от сторожей и в иных местах Белгородского, Фатежского и Курского уездов, вдоль рек Свопы и Семи...»⁶.

⁵ Там же [Ibid.]. С. 8.

⁶ Исторический и географический путеводитель по Курской губернии от орловской границы до харьковской на 241 ½ верст / сост. В.Н. Левашевым в 1837 г. [Istoricheskie i

В.Н. Левашев указывает, чтобы справиться с огромными шайками разбойников в 50-е гг. XVIII в., губернские власти вынуждены были созывать многотысячные ополчения. Вероятно, на таком фоне размаха бандитизма местным властям не всегда хватало времени и желания разбираться в более мелких разбойных делах.

Примечательно, что подобные «подвиги» в представлении местных помещиков не противоречили христианским добродетелям, и они себя считали истинно православными. Касаясь Марфы Дуровой, Н.И. Костомаров подчеркивал: «Эта женщина отличалась наружным благочестием, соблюдала установленные церковью посты, не пропускала богослужения в воскресные и праздничные дни, усердствовала вкладами и приношениями в церковь Божию, не оставляла своими щедротами все честное духовенство, а к церкви в Козачьей Слободе оказывала особое внимание. Бывало – собирается она на разбой; заезжает прежде в Козачью Слободу к попу, прикажет служить молебен и просить Бога даровать успех её предприятию. «Слушай, батька!» – говорит она этому попу – «коли будет нам удача, мы тебе гостинец привезем, потому что, значит, ты нам вымолил у Бога удачу; а не удастся нам, то извини, мы тебе отдуем»⁷.

В итоге, правительство вынуждено было отправить в «порубежный край» воинские части, и Марфа Дурова была арестована вместе со своим ближайшим окружением, предана суду и отправлена в Сибирь.

Административная бесконтрольность и вызывающее своеволие, безнаказанность помещиков Белгородской губернии не в последнюю очередь были вызваны масштабными взятками, казнокрадством и другими противоправными действиями местных коронных властей⁸. «Несмотря на кратковременный период своего бытия, эта губерния приобрела в свое время громкую всероссийскую известность, благодаря грандиозному судебному делу о преступных деяниях своих правителей и чиновников. Деяния эти состояли в мздоприимстве, лихоимстве и незаконных поборах. Екатерина II, получив сведения о беззакониях, творящихся в Белгородской губернии, учредила особую комиссию для расследования их под председательством гвардии майора Щербинина. Эта комиссия уличила во взяточничестве тридцать девять чиновных «персон», над коими последовал суд и приговор правительствующего Сената. 11 ноября 1766 года приговор этот, с некоторыми изменениями, был подтвержден императрицею.

Во главе белгородских взяточников и «мздоприимцев» из началь-

geograficheskii putevoditel' po Kurskoi gubernii ot orlovskoi granitsy do khar'kovskoi na 241 ½ verst / sost. V.N. Levashevym v 1837 g.]. СПб., 2010. С. 112.

⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. [Kostomarov N.I. Op. cit.]. С. 8, 9.

⁸ Пенская Т.М., Пенской В.В. Очерки истории Белгородчины в XVIII в. [Penskaia T.M., Penskoii V.V. Ocherki istorii Belgorodchiny v XVIII v.]. Белгород, 2010. С. 71-79.

ствующих лиц стоял губернатор, тайный советник Салтыков»⁹.

Нельзя не указать еще на один очень важный фактор психологической вседозволенности курских помещиков, чьим ремеслом был разбой. Владея крепостными крестьянами, многие помещики утрачивали в себе чувство сострадания к человеческой душе, видя в них только «крещеную собственность». В рамках бесконтрольности со стороны властей это могло гипертрофироваться, и собственное «Я» уже ничем и не кем не сдерживалось, кроме личных амбиций и притязаний¹⁰. Убить человека даже равного в сословной иерархии, отобрать его добро не становилось чем-то за гранью реальности для отдельных помещиков, что и показывают «подвиги» Марфы Дуровой, Воропановых, Стремоуховых, Кудеяра и многих других.

Традиции дворянского разбоя в Курской губернии перешли из XVIII века в XIX век, во всяком случае, современники на это указывают как на весьма распространенное явление в дореформенный период. Правда, размах его был несколько меньше, чем прежде.

Помещик Щигровского уезда Курской губернии Р. Марков вспоминает конфликт своего деда, крупного помещика Александра Андреевича с соседом А.Г. Осоргиным (фамилия изменена автором – В.Ш.): «Однажды на именинах деда, разыгралась не шуточная история. Совершенно неожиданно Александр Андреевич поссорился со своим ближайшим соседом А.Г. Осоргиным, которого в уезде боялись хуже огня. Это был ужасный человек, причастный ко многим темным делам, не раз совершавшимся в различных углах уезда. Народная молва обвиняла его и в грабежах, и в денном разбое, и в поджогах, и во многих убийствах...

Немного подпив, Осоргин, отсчитывая деньги, проигранные деду в день его именин, положил и несколько фальшивых монет. Александр Андреевич вспылил и сказал, что он таких денег у себя не держит, да и никому не советует этого делать. Словом, произошла бурная сцена, в конце которой Осоргин поклялся страшно отомстить деду»¹¹.

Учитывая, что Р. Марков пишет воспоминания о своем деде в 1891 г., вероятно, указанное событие произошло в диапазоне конца 30 – начале 40-х гг. XIX в. Весьма примечательно, что автор указывает на повсеместные в уезде грабежи, убийства и связывает эти события с

⁹ Танков А. К истории взяточничества [Tankov A. K istorii vziatochnichestva] // Исторический вестник [Istoricheskii vestnik]. 1888. Т. 34. С. 240.

¹⁰ Пресняков А.Е. Дворянский и крестьянский вопрос в наказах // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем [Presniakov A.E. Dvorianskii i krest'ianskii vopros v nakazakh // Velikaia reforma. Russkoe obshchestvo i krest'ianskii vopros v proshlom i nastoiashchem]. Кн.1. Т. I-IV. М., 2012. С. 258; Тарасов Б.Ю. Россия крепостная [Tarasov B.Iu. Rossiia krepostnaia]. М., 2011. С. 6, 7.

¹¹ Марков Р. Недавняя старина. (Отрывки из семейной хроники) [Markov R. Nedavniaia starina. (Otryvki iz semeinoi khroniki)] // Исторический вестник [Istoricheskii vestnik]. 1891. Т. 45. С. 249-250.

именем одного помещика. Далее Марков рассказывает о подготовке похода Осоргина с собственными крестьянами на имение своего деда, главной целью которого было вывезти «хлебушко... на Марковском гумне». Сама подготовка к набегу показывает отработанность данных операций, заранее было известно, что большая часть марковских мужиков уехала в г. Севск за «красным лесом» и, подготовив возы, вооружившись дубинками, вилами, топорами осоргинское «войско» выступило в поход¹².

Александр Андреевич, исходя из предыдущего подобного опыта, особое внимание уделял подбору сторожей поместья, которые и составляли его «гвардию». «Усадебный караул всю ночь похаживал вокруг обширного двора, скрипя по снегу лаптями и дубинками. Это были на подбор дюжие и смышленные мужики... Сторожа эта действительно была надежна хозяину и страшна лихому человеку. Редкого не превосходили они своею силою, ловкостью в драке, зоркостью глаза и чуткостью уха. Пройти мимо такой сторожи было трудно и опасно... Карaulьщики «Маркова – барина» широко славилась по округе»¹³. То есть наиболее сильным и смышленным мужикам в марковском имении отводилась роль охраны, что являлось показателем постоянной готовности к отражению «воровских шалостей» или разбоев.

Ночью шестеро марковских охранников встретились со всей осоргинской ратью, которые на свои возы стали из марковского гумна перекардывать хлеб. «И страшное побоище началось. Дубины, вилы, косы, кулаки – все пошло в дело. Вслед за тем поднялся рев, крик и стоны, леденившие кровь. Грабители брали верх своим чрезмерным многолюдством, но, бесспорно, уступали в силе и удали сторожам»,¹⁴ в это время к ним из села спешила помощь из вернувшихся мужиков. «На слом, на слом! – вопил Осоргин, бегая среди своих. – Наша берет...

– На уход, на уход! – вдруг закричал Осоргин, с трудом отмахиваясь рогатиною от набежавшей помощи. – Увози хлеб скорее! Гони лошадей! – кричал он, надсаживаясь.

Но, ни одного навитого воза нельзя было сдвинуть с места. Старый Селиверст, опытный в подобных делах, под шум битвы, ловко перерезал во всех упряжных хомутах по одному гужу и все черезседельники. ... Сам Осоргин едва спасся, вскочив в пустые санишки... Большинство же его обоза досталось деду, который и подарил его своим людям»¹⁵.

Описание данной «битвы» наводит на определенные размышления. Указания на то, что «старый Селиверст, опытный в подобных делах...», подтверждает версию об укоренившейся традиции выяснения

¹² Там же [Ibid.]. С. 250-254.

¹³ Там же [Ibid.]. С. 251.

¹⁴ Там же [Ibid.]. С. 255.

¹⁵ Там же [Ibid.]. С. 256.

отношений курских помещиков между собой при помощи «ратей» из крепостных крестьян. При этом победителю доставалось на «поле боя» имущество побежденных. Помещики лично руководили этими «операциями». Вопрос о решении конфликта в судебном порядке, вероятно, был вне рамок правового представления у многих местных дворян. Благородное происхождение, честь дворянина требовали личного участия в разрешении конфликта. Это была своеобразная дуэль, но только с помощью дубин и топоров своих крепостных крестьян. Здесь же ставка делалась на попустительство, может, и понимание со стороны коронных властей, где заседали тоже дворяне. Взятки не отрицались ни одной из сторон. В то же время необходимо отметить, что последствия межпомещичьих усобиц в Белгородской губернии в XVIII веке были более трагичны, кровопролитны, чем в первой половине XIX века в Курской губернии.

Ряд помещиков, чтобы прокормить своих крестьян и дворовых, заставлял их заниматься разбоем, не забывая и свой «экономический» интерес. Помещик (помещица) не выходил на большую дорогу, но инициировал и держал под контролем разбой своих крестьян. «Еще и по сие время по Щигровскому уезду говорят: «Эх, ты, село Вязовое, кто в тебя заедет, тот завоя!». Заметим, что и теперь целую часть этого селения народ по старинному называет «Поныри». И это прозвище как-то невольно заставляет вспомнить то время, когда в этой местности жила «по норам», то есть не в рубленных хатах, а в сырых землянках, целая деревня несчастных крестьян дворянки Алымовой, которых её первый муж Сыгчев приучил к настоящему разбою, равно как и всю свою дворню. Впрочем, следует добавить, что и в бытность свою за вторым мужем Алымовым и даже после его смерти и сама Александра Езотьевна Алымова не раз посылала своих людей «кормиться дугою», не только на ближние, но и на дальние разбои, так сказать, в отъезжие поля»¹⁶. Разбои Александры Езотьевны приходились на 20-е гг. XIX века, и она стала достойной преемницей Марфы Дуровой, но сама она не водила свои «рати» в походы.

Все вышесказанное не является утверждением уникальности явления – дворянского разбоя, межпомещичьих усобиц в Белгородской и Курской губерниях, в районе русско-украинского порубежья. Выяснение отношений помещиков при помощи своих крепостных имело широкую практику в других российских губерниях. Например, С.Т. Славутинский, уроженец села Гайворон Курской губернии, вспоминая своего деда из села Михеева Егорьевского уезда Рязанской губернии, применительно ко второй половине XVIII века, в частности, отмечал: «...дед мой Николай Михайлович П-в... воинственно и удачно защищал свою водяную в Михееве мельницу от посягательств на разорение её со сто-

¹⁶ Марков Р. Недавняя старина [Markov R. Nedavniaia starina] // Исторический вестник [Istoricheskii vestnik]. 1899. Т. 78. С. 538-539.

роны злобной и страшно жестокой помещицы села Микшеева, фамилии которой я теперь не помню. Замечательно же в этой борьбе именно то, что она велась не в форме многоуклюзной и многобумажной тяжбы, а чисто на феодальный лад: на мельничной плотине нередко происходили между Михеевцами и Микшевцами, всегда под личным предводительством деда и его лихой соседки, сильные побоища»¹⁷.

Тем не менее, упоминаний о масштабах, жестокости, кровопролитности дворянских разбоев, сборов против них многотысячных ополчений и воинских частей в XVIII – первой половине XIX веков больше не встречается, кроме как в отношении Белгородской и Курской губерний. Вероятно, здесь сыграли большую роль традиции вольницы русско-украинского порубежья, слабость и продажность коронных властей на бывших юго-западных окраинах российского государства. Но искать параллели с пушкинским Дубровским здесь неуместно, понимание собственного благородства у курских дворян-разбойников было весьма извращенным, своекорыстным. Обращают на себя внимание и вошедшие в историю курские дворянские женщины-разбойницы, отличавшиеся особой жестокостью и дерзостью.

¹⁷ Славутинский С. Родные места. Из отрывочных воспоминаний [Slavutinskii S. Rodnye mesta. Iz otryvochnykh vospominanii] // Русский вестник [Russkii vestnik]. 1880. Т. 147. С. 216-217.